

Содержание

Предисловие	7
Введение	
Лемур и его название	11
1. Зачем нужны названия	16
2. Как присваиваются научные названия	27
3. Форзиция, магнолия и названия внутри названий	40
4. Вошь Гэри Ларсона	48
5. Мария Сибилла Мериан и метаморфозы естественной истории	57
6. Паук Дэвида Боуи, муха Бейонсе и медуза Фрэнка Заппы	70
7. Сперлингя: улитка для безвестных	80
8. Имя зла	89
9. Ричард Спрус и любовь к печеночникам	100
10. Эгоистичные названия	114
11. Названия, которые не стоило давать? Горилла Роберта фон Беринге и долгопят Дайан Фосси	126

12. Сомнительная честь: оскорбительные названия.....	136
13. «Заросший берег» Чарльза Дарвина.....	149
14. Любовь в латинском названии	166
15. Забытые коренные народы.....	179
16. Гарри Поттер и название вида.....	193
17. Марджори Куртене-Латимер и рыба из глубин времени	205
18. Названия на продажу.....	216
19. Муха Мейбл Александер	229
Эпилог	
Мышиный лемур мадам Берты.....	243
Примечания	253
Источники и дополнительная литература.....	257
Благодарности.....	273
Предметно-именной указатель	275
Указатель латинских названий.....	285

Предисловие

Нас делает людьми, помимо всего прочего, любопытство по отношению к окружающему миру. Оно заставляет ученых открывать, описывать миллионы видов живых существ — наших соседей по планете — и давать им названия. Время от времени название вновь открытого вида привлекает внимание общественности. Иногда так происходит потому, что оно дается в честь какого-либо человека — ныне здравствующего или уже умершего, реального или вымышленного, вызывающего восхищение или неприязнь. Среди таких названий — усоногий рак, носящий имя Чарльза Дарвина (*Regioscalpellum darwini*), паук, названный в честь рок-певца Дэвида Боуи (*Heteropoda davidbowie*), гриб, названный в честь героя мультфильма — губки Боба Квадратные Штаны (*Spongiforma squarepantsii*), и жук, удостоившийся имени 43-го президента США Буша-младшего (*Agathidium bushi*). Эти названия, как и многие им подобные, объединяют ученых, которые дают названия живым существам, самих существ и людей, в честь которых они даны.

Кроме того, многие считают эти названия довольно странными. Казалось бы, не самый обычный способ отдать кому-то дань уважения: вписать его имя в квазилатинское

название вида, которое будут использовать в основном ученые, пишущие статьи и монографии, пересыпанные непонятными научными терминами. Вполне можно понять возмущение, которое выразила родная тетя Джейн Колден, первой женщины-ботаника в Новом Свете. Она жила и работала в середине XVIII в.; ее отец (с причудливым именем Кэдуолладер Колден) тоже был врачом и ботаником и поощрял интерес дочери к естествознанию. Джейн написала и проиллюстрировала книгу о флоре Нью-Йорка, ставшую весьма известной в Лондоне, и в ее честь предложили назвать растение *Fibrurea coldenella*. Тетя, однако, была потрясена этим фактом и воскликнула: «Как же так можно! Назвать какой-то сорняк именем христианки!»¹

Именно Карл Линней, блестящий шведский ботаник XVIII в., дал возможность пауку носить имя Дэвида Боуи (а растению — имя Джейн Колден) — и рассказать таким образом некую историю. До Линнея научное наименование вида растений или животных было просто упражнением в их описании. Названием вида живых существ служило латинское словосочетание (иногда довольно длинное), которое описывало вид и выделяло его среди себе подобных, но не более того. «Биномиальная номенклатура» (двухчленная система наименования) Линнея отличалась несколькими важными особенностями. Что самое замечательное, она проста и позволяет легко упорядочить наши знания о биоразнообразии Земли. У каждого вида есть название, состоящее из двух слов, одно определяет конкретный вид, другое является родовым названием группы ближайших родственников, например *Acer rubrum* (клен красный), где *rubrum* означает один из 130 или около того существующих видов кленов рода *Acer*. Чуть меньше ценят другое новшество линнеевской системы — то, что название отделено от описания. Линнеевские

названия — и все научные названия видов со времен Линнея — это способ присвоения определенного индекса. Названия могут быть описательными (*Acer rubrum*, клен красный), однако это вовсе не обязательно — так, например, *Acer davidii* (клен Давида) был назван в честь Армана Давида, французского миссионера и натуралиста.

То, что Линней ввел названия для живых существ, не связанные с их описанием, на первый взгляд может показаться мелочью, однако благодаря этому ученые получили совершенно новую возможность — самовыражаться, придумывая научные названия. Называя вид в честь какого-либо человека, ученый рассказывает историю о нем, но это одновременно история и о самом ученом. С изобретением Линнеем бинарной системы названия, особенно данные в чью-то честь, стали окошком во внутренний мир людей науки.

И что же видно через это окошко? Прежде всего что ученые не такие уж холодные, скучные и бесстрастные существа, как можно было бы ожидать. Они творчески подходят к латинским названиям и тем самым проявляют человеческие достоинства, слабости и недостатки. В этих названиях ученые выражают восхищение натуралистами, исследователями и другими героями. Одни высказывают благодарность наставникам или покровителям, другие — любовь к женам или мужьям, дочерям или родителям. Кто-то заявляет о себе как о поклоннике Гарри Поттера или панк-музыки. Кто-то высказывается в поддержку справедливости и прав человека. Одни демонстрируют презрение к демагогам и диктаторам, другие, к сожалению, их одобряют. Названия видов порой выдают постыдные предубеждения и предвзятость или же говорят о попытках возвыситься над этими человеческими несовершенствами, чем, несомненно, мы можем гордиться. Придумывая названия, ученые могут быть то серьезными,

то ироничными, иногда эксцентричными или великодушными, иногда язвительными и столь же увлеченными историей, искусством и культурой, как и узором чешуи на брюхе змеи.

Через окошко латинских названий мы можем увидеть все самое лучшее и худшее, что есть в людях. Наука предстает перед нами как всецело человеческая деятельность, замешанная на личных пристрастиях и историях, определяемая затейливыми связями между названным видом, человеком, в честь которого он назван, и ученым, придумавшим название. Как сказала госпожа Муффе в повести Антонии Байетт «Морфо Евгения», «имена позволяют сплести мир воедино, установить связь между различными существами». Истории, сотканые из имен, удивляют, поражают и берут за душу, а иногда просто приводят в бешенство. На страницах моей книги вы найдете некоторые из них. Итак, смотрите в это окошко и наслаждайтесь.

Введение

Лемур и его название

Мы с вами относимся к приматам, которые появились в группе млекопитающих примерно 75 млн лет назад. В каком-то смысле наша эволюционная линия не слишком успешна. Науке известны всего 504 вида современных приматов, в то время как, например, летучих мышей насчитывается 1240 видов, орхидей — 26 000, жуков-долгоносиков — 60 000. Тем не менее группа приматов — благодаря деятельности нашего собственного вида — изменила планету так, как никто другой. Это повод одновременно и для гордости, и для стыда. Действительно, ни один вид не загрязнял столько озер, не уничтожал столько лесов и не приводил столько других видов к частичному или полному вымиранию; но верно также и то, что ни один вид до нас не писал симфоний, не строил библиотек и художественных галерей. Более того, никакой другой вид так сильно не жаждал познать мир и ни один не продвинулся так далеко в достижении этой цели. Как и у других видов, у нас есть свои будничные заботы, связанные с защитой территории, поиском пищи или партнера; но порой мы отвлекаемся от этих занятий, чтобы изучить и описать камни, растения, животных, элементы рельефа, даже далекие от нас планеты и звезды и дать им всем названия.

Как человеческим существам, нам свойственно интересоваться своей родней. Это верно в генеалогическом и географическом смысле: мы дорожим своими семьями и местными сообществами. Но это также верно и в эволюционном смысле. Открытие в XIX в. нашего тесного родства с другими человекообразными обезьянами вызвало в обществе споры, которые в определенных кругах продолжаются до сих пор. Вольер с приматами неизменно привлекает наше внимание в любом зоопарке, и мы жадно поглощаем статьи и документальные фильмы о шимпанзе, гориллах и других наших близких родственниках. А когда я беру студентов-старшекурсников на полевую практику в тропики, ничто не воодушевляет их больше, чем возможность хоть мельком увидеть обезьяну, качающуюся на ветвях высоко в пологе леса.

Как ни странно, наши сведения о предках-приматах далеко не полны. Мы знаем довольно много о шимпанзе, бонобо, гориллах и орангутанах — самых крупных приматах и наших ближайших родственниках. Об остальных приматах нам известно гораздо меньше. Одни хорошо изучены и часто мелькают в средствах массовой информации — вспомните очаровательные сюжеты о японских макаках, купающихся в горячих источниках зимой. Большинство других изучено в лучшем случае поверхностно. Например, глубоко в лесах Мадагаскара живут приматы, которые были открыты совсем недавно и о которых нам не известно практически ничего.

Среди этих самых загадочных из наших родственников — мышинные лемуры. На Мадагаскаре живет 24 вида мышинных лемуров; всего 25 лет назад науке были известны только два. Один из недавно открытых видов — самый маленький современный примат, мышиный лемур мадам Берты. Взрослая особь легко поместится у вас на ладони и весит всего

Мышиный лемур мадам Берты,
Microcebus berthae

30 г — примерно столько весит одна палочка Twix или кусочек хлеба.

Мышиные лемуры мадам Берты живут только в небольшом районе в окрестностях леса Киринди на западном побережье Мадагаскара. Киринди — это тропический листопадный лес, светлый и тихий в течение долгого сухого сезона, когда деревья сбрасывают листья, а большая часть животных затаивается, пережидая засуху. Когда снова приходят дожди, лес превращается в зеленую чащу и там опять кипит жизнь. Если посетить Киринди в начале сезона дождей, в сумерках можно почувствовать легкий ветерок, сулящий облегчение от дневной жары, когда последние краски розового заката исчезают на западном краю неба. Замрите ненадолго, и, может быть, вы услышите среди ветвей шорох и тихое чириканье: мышинные лемуры выбирают из своих гнезд на деревьях и отправляются на поиски плодов, древесного сока и медвяной росы насекомых. Удачно направленный луч фонаря порой выхватывает из темноты несколько пар любопытных глаз, которые мягко светятся в темноте оранжевым светом. Пара самых маленьких глаз принадлежит нашему самому крошечному сородичу.

О том, что в Киринди живут мышинные лемуры, мы знаем давно. Но только в середине 1990-х гг. ученые поняли, что мышинные лемуры Киринди — не один, а два вида. Более крупный, серый мышинный лемур, известен науке с XVIII в., а более мелкий, мышинный лемур мадам Берты, был официально признан и описан учеными только в 2001 г. При этом он получил научное (латинское) название: *Microcebus berthae*. Название дано в честь женщины по имени Берта Ракотосаманана. Кто же она такая и как получилось, что самый мелкий из наших родственников носит ее имя? Что она сделала,

чтобы заслужить такую награду? А это именно награда, пусть и не самая обычная, как многим может показаться, однако выдана она была от всей души.

Все знают, что наука бывает скучной и унылой, и больше всего навевают скуку латинские названия, которые мы даем растениям и животным. Эти названия часто бывают длинными, их невозможно ни произнести, ни запомнить, и в лучшем случае они воспринимаются как неизбежное зло, с которым студентам-биологам приходится иметь дело, зубря их наизусть в качестве ритуала посвящения в науку. Это знают все. И все ошибаются. Да, некоторые латинские названия сложны и непонятны, но другие просто волшебны. На последующих страницах книги я поделюсь с вами историями, стоящими за названиями, которые даны в честь людей — исследователей, натуралистов, искателей приключений, даже политиков, художников и поп-певцов. Эти истории — окно в закулисы науки и жизни ученых, они раскрывают удивительные связи между учеными, которые дают названия видам, людьми, которых они прославляют, и существами, которые носят эти названия. Мы вернемся к истории Берты Ракотосамимананы и ее мышинового лемура в эпилоге, а до этого еще столько всего нужно рассказать!

1

Зачем нужны названия

— Так на что им имена тогда, если они не откликаются?
— Им, может быть, и ни на что, — ответила Алиса. —
Но эти имена нужны тем, которые их этими именами
обозначили.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье*

Наша планета кишит жизнью. Тропические дождевые леса и коралловые рифы так часто показывают в документальном кино еще и потому, что они являют удивительное разнообразие жизни: куда ни кинь взгляд, увидишь новый вид. На участке амазонского тропического леса размером с футбольное поле можно обнаружить 200 различных видов деревьев — и это только деревья, которых гораздо меньше, чем всевозможных трав, насекомых, грибов, клещей, а также представителей многих других групп. Переместитесь в индонезийский тропический лес или даже просто другой участок амазонской сельвы, и вы найдете новые виды; отправьтесь из дождевого тропического в горный туманный лес, или сухой широколиственный, или в саванну, и опять перед вами

* Перевод В. А. Азова.

предстанут совершенно иные виды живых существ. Такая закономерность сохраняется по всему земному шару: одни природные зоны богаче жизнью, чем другие, но флора и фауна каждой из них пополняют общий список видов на Земле. Свои обитатели есть даже в местах, казалось бы, непригодных для жизни: в бурлящих горячих источниках, глубочайших пещерах, гималайских снежниках и расселинах километровой глубины.

Сколько видов живых существ живет на нашей планете? Биологам с волнением и смущением приходится признать, что они этого не знают. Мы не можем даже примерно оценить количество видов; вернее, есть разные оценки, но они не сильно сужают диапазон. Мы знаем лишь, что их очень много. Всего получили научное название примерно 1,5 млн видов; общее же число видов на Земле, по разным оценкам, от 3 млн до 100 млн. Недавняя оценка в триллион видов только бактерий и других микроорганизмов многих привела в недоумение. И хотя достоверность этого числа вызвала жаркие споры, сама тема публикации явно показывает, что мы не способны даже четко определить, как много видов может быть на Земле. А ведь каждая из этих оценок учитывает только ныне живущие виды. За 4 млрд лет истории жизни на Земле гораздо больше видов уже вымерло, так что общее биоразнообразие планеты еще поразительнее. Если предположить, что вымерло 99% когда-либо живших видов (на самом деле наверняка больше), то общее число их окажется на два порядка выше, чем живущих сейчас. Может быть, 300 млн? 10 млрд? 100 трлн? А ведь у каждого из них есть (или были) свои особенности строения и поведения, свои предпочтения и требования к среде обитания и экологии. Это просто невообразимо, чудесно, и тем не менее это в некотором роде проблема.

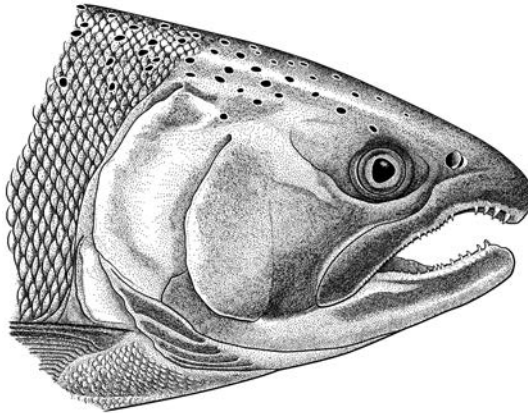
Почему я называю огромное биоразнообразие Земли проблемой? Потому что всем этим видам нужны названия. Нужны как с психологической, так и с практической точки зрения.

С точки зрения психологии присвоение названий помогает уложить в голове и осмыслить существование такого невероятного количества видов. Это справедливо не только для живых организмов, но и любых сущностей, которым мы даем названия. Блестящий французский математик Александр Гротендик, например, писал: «...[я] с упоением давал имена (математическим понятиям) по мере того, как они открывались мне, ибо так я начинал их понимать»². Гротендик славился тем, что давал названия новым понятиям или математическим объектам весьма обдуманно, чтобы привлечь к ним внимание и помочь людям их осмыслить. Нечто подобное сделал Георг Кантор, когда открыл, что одни бесконечные множества больше других (а точнее что одни бесконечны, но счетны, а другие несчетны). Кантор дал этим разным бесконечностям названия (обозначив их \aleph_0 , \aleph_1 , \aleph_2 и т. д. — так называемой иерархией алефов еврейского алфавита). Назвав разные виды бесконечностей, Кантор в некотором смысле сделал их доступными для математиков и математической науки (а заодно вызвал бурю споров). Что верно для математических абстракций, верно и для конкретных вещей. Легко и свободно можно говорить лишь о том, у чего есть название, а не только описание.

По-видимому, нам как виду присуще давать имена всему вокруг. В Ветхом Завете после сотворения мира первым делом Адама стало наречение земных созданий: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так

и было имя ей» (Бытие 2:19). Хорошо это или плохо, но мы даже как будто получаем некую власть над тем, чему даем название. От египетской и скандинавской мифологии до Румпельштильцхена и «Волшебника Земноморья» множество историй снова и снова рассказывают об именах и их силе.

Но, даже если отбросить психологические мотивы, присваивание названий имеет и практическое значение. Надо же как-то различать и учитывать миллионы видов живых существ на планете. Мы должны иметь возможность, говоря о них, четко понимать, какой из миллиона видов имеется в виду. В конце концов, правила вроде «красные ягоды есть можно, а синие ядовитые» в нашем столь разнообразном мире перестают работать довольно быстро. Если законодательство запрещает застройку участка, где живет некий исчезающий вид, то и застройщики, и защитники природы должны точно знать, о каком виде идет речь, чтобы точнее определить охраняемую территорию. Если мы извлекаем из глубоководной губки перспективное лекарство от рака, то нужно знать, о каком виде идет речь, чтобы все

Кижуч, *Oncorhynchus kisutch*

тестировали экстракт, полученный именно из этой губки. Если ребенок отравился грибом, необходимо сказать врачам, что это за гриб, чтобы они правильно подобрали лечение.

Названия решают эту задачу: каждый объект получает имя — метку, с помощью которой на него можно сослаться, и одновременно механизм индексации, связывающий объект с нашими знаниями о нем. Имена позволяют различать и отслеживать детей в семье, минералы в земной коре, модели автомобилей в выставочных залах и ценные бумаги на фондовой бирже. То же самое и с живыми существами: мы различаем медведей — гризли, белых медведей, очковых медведей и панд; лососевых рыб — кету, кижуча и чавычу; цветы — тюльпаны, герань и нарциссы.

Медведь гризли, кижуч и нарцисс — примеры бытовых (обиходных) названий: мы используем их в обычной жизни. Обиходные названия бывают поразительно образными и даются на основе описания (сизый голубь), звукоподражания (грач), фольклора (козодой) и даже имен людей (дарвиновы вьюрки). Но по целому ряду причин они плохо справляются со своей задачей. Во-первых, часто встречаются неточные названия: дарвиновы вьюрки на самом деле не вьюрки, узамбарские фиалки — не фиалки, а электрические угри — не угри. Гораздо хуже, что бытовых названий слишком много, но при этом их катастрофически не хватает. Их слишком много в том смысле, что у одного существа может быть множество бытовых названий; например, у всем известной дикой кошки Нового Света минимум 40 разных названий (пума, катамонт, пантера, пейнтер, горный крикун, горный лев и др.). А ведь у нее есть еще названия на французском, испанском и португальском, языках индейцев нутка, кекчи и ураина, а также десятках других. Все это усложняет определение живых существ, хотя, наверное,

не делает его невозможным. Невозможным оно становится тогда, когда названий не хватает. Часто одно обиходное название относится ко многим существам — либо потому, что неспециалисты не видят тонких различий между похожими видами, либо потому, что в разных местах люди называют разных существ одним и тем же словом. Малиновка в Европе и Северной Америке — две совершенно разные птицы, то же касается черных дроздов и барсуков; «плодовая мушка» может быть любым из нескольких тысяч видов, относящихся по меньшей мере к двум подсемействам, а маргариткой называют почти все что угодно. Но хуже всего то, что у многих видов вообще нет даже обиходных названий (например, у подавляющего большинства червей и насекомых). И как тогда понять, о ком из них идет речь?

Попытки дать организмам названия и систематизировать их предпринимались издавна. Найдены вавилонские глиняные таблички, датируемые 612 г. до н. э., на которых перечислены названия около 200 видов лекарственных растений. Китайский текст «Книга лекарственных средств (или «Трактат о лекарственных средствах») императора Шэнь-нуна», в котором перечисляются 365 видов, вероятно, был написан примерно в 250 г., и в нем изложены сведения, к тому времени уже около 3000 лет передававшиеся из уст в уста. В Древней Греции Аристотель и Теофраст (ок. 300 г. до н. э.), Диоскорид и Плиний Старший в Древнем Риме (ок. 50 г.) в своих трудах описали и привели названия сотен животных и растений, и многие из этих названий сохранились до наших дней.

Однако первым ученым приходилось иметь дело с вполне приемлемым числом видов. К началу XVII в. ситуация осложнилась: стали появляться трактаты, охватывающие тысячи видов. Так, в трактате «*Pinax Theatri Botanici*» Каспара Баугина

(1623) описывалось 6000 видов, а в работе «*Historia Plantarum*» Джона Рэя (1686) — больше 18 000. В этих трудах растениям присваивались латинские названия, на первый взгляд похожие на современные, разве что некоторые из них были уж очень длинные. Баугин, например, назвал один вид асфодели *Asphodelus foliis fistulosis* (или «асфодель с трубчатыми листьями»), а другой — *Asphodelus purpura scens foliis maculates* (что примерно означает «асфодель с пурпурными пятнами на листьях»). Впрочем, им далеко до названия, которое Питер Артеди дал в 1738 г. мерлангу (современное название этой рыбы *Merlangius merlangus*): *Gadus, dorso tripterygio, ore cirrato, longitudine ad latitudinem tripla, pinna ani prima officulorum trigata*. Откуда взялись такие тяжеловесные названия? Дело в том, что в те времена названия должны были выполнять сразу две функции: обозначать вид и описывать его (а описание должно было отличаться от описаний родственных видов). Вот только чем больше видов было в книге, тем более громоздкими приходилось делать описательные названия. Что еще хуже, после открытия новых видов приходилось изменять названия старых, чтобы название каждого вида продолжало отличать его от других.

Уже к XVII в. система описательных названий скрипела под тяжестью известного тогда биоразнообразия и было ясно, что дальше будет только хуже. Проблему решил великий шведский естествоиспытатель Карл Линней. Его идея состояла в том, чтобы разделить две функции именования: он сделал название вида просто ярлыком, по которому можно найти в литературе описание вида (и всю остальную информацию о нем). На самом деле Линней изначально имел в виду не это: сам он считал, что дает каждому виду два названия — короткий ярлык и более длинное описательное имя (вроде названий из трудов К. Баугина, приведенных выше). Но вскоре стало очевидно,

что люди в качестве названий начали использовать именно короткие ярлыки. Они выполняли роль указателей, ведущих к описаниям — длинным, заумным, которые никто не мог запомнить, чтобы выдать во время прогулки в лесу или использовать в своих текстах. Линнеевской системой названий-ярлыков мы пользуемся и сегодня.

Освобожденные Линнеем от гнета описания, латинские названия стали короткими, но сохранили уникальность. Короткие названия Линнея сегодня называются биноменами, т. е. состоящими из двух латинских слов: названия рода, к которому вид принадлежит, и видового названия (род — это группа сходных и, как мы теперь знаем, эволюционно родственных видов). Например, *Homo sapiens*, наш собственный вид, относится к роду *Homo*, а внутри рода мы относимся к виду *sapiens*. Мы — единственный ныне живущий вид рода *Homo*, но среди наших вымерших родственников есть *Homo erectus*, *Homo neanderthalensis*, *Homo naledi* и так далее. Обратите внимание, что названия *sapiens* — что означает «разумный» — и *erectus* («прямоходящий») в некотором смысле описательные, но Линней их бы такими не назвал, потому что они не настолько точны, чтобы отделить указанные виды от их родственников. *Neanderthalensis* и *naledi* вообще не описывают сами виды — оба относятся к местам находок ископаемых остатков: долине Неандерталь в Германии и южноафриканской пещере «Восходящая звезда» (на языке группы сото *naledi* означает «звезда»). Однако такие названия, как *Homo sapiens*, достаточно короткие, чтобы их можно было запомнить и использовать в письме и речи, и при этом достаточно точные, чтобы означать одно и то же для всех и везде.

Наиболее распространены биномиальные (двухсловные) латинские названия, но следует отметить, что иногда названия учитывают более тонкие различия, чем видовые, — они

составляются из трех слов и становятся триноменами. Например, роющая сова, *Athene cunicularia*, обитает на большей части территории Нового Света, и все особи в пределах ее ареала носят это биномиальное название. Но роющие совы во Флориде отличаются по оперению от тех, которые живут на западе Северной Америки, и это учитывается в названиях подвигов: *Athene cunicularia floridana* для флоридских птиц и *Athene cunicularia hyrugaea* для западных. (Были описаны еще 20 подвигов из Карибского бассейна и Южной Америки, хотя ведутся споры о правомерности выделения некоторых из них.) Как правило, подвиды выделяются и получают отдельное название, когда внутривидовые различия обусловлены географией, т. е. западные особи отличаются от восточных, островные особи от материковых и т. д. Иногда отличающиеся вариации называют разновидностями, подразновидностями или формами, что, очевидно, только усложняет дело.

Научные названия, состоящие из трех слов, например относящиеся к подвидам, широко используются для одних групп организмов (птиц и бабочек) и почти не используются для других, и вполне простительно считать их излишним усложнением, лишь сбивающим с толку. Так оно и есть, — вот только это усложнение очень важно для понимания того, что мы подразумеваем под «видом». Во времена Линнея считалось, что каждый вид был отдельно создан Богом и остается неизменным со времени сотворения. В таком случае названия подвигов не имели смысла: если бы были сотворены две различные формы, они были бы двумя видами с отдельными названиями. Но революция в естествознании, последовавшая за публикацией в 1859 г. знаменитого труда Чарльза Дарвина «О происхождении видов...», заставила ученых мыслить по-новому. Подвиды (и другие

виды вариаций ниже видового уровня) теперь представляли доказательством изменчивости видов: флоридскую роющую сову можно было считать изолированной популяцией, постепенно превращающейся в новый вид, отличный от своего предка и от сестринского таксона западной роющей совы. Во второй половине XIX в. ученые кинулись описывать географические вариации видов в качестве доказательства идей Дарвина, что привело к целому потоку триноминальных названий. Этимологически, однако, триномены не слишком отличаются от биноменов, и поэтому на последующих страницах книги мы позволим себе игнорировать различия между названиями видов и подвидов.

Отделив названия от описания, линеевская система открыла возможности для творческого подхода к присвоению названий. Описательные названия были сильно привязаны к различным морфологическим или другим признакам (например, асфодель дудчатая, *Asphodelus fistulosus*, где латинское слово *fistula* означает «полый стебель», или муравей рыжая мирмика, *Myrmica rubra*, который и в самом деле рыжего цвета). Начиная с Линнея, названия могут быть связаны практически с чем угодно (и в следующей главе «Как присваиваются научные названия» мы увидим, что это именно так).

Книга, которую вы держите в руках, появилась на свет во многом благодаря тому, что Линней предоставил нам возможность называть виды в чью-либо честь. Сам он тоже не преминул воспользоваться этим, дав нескольким видам названия в честь своих предшественников — ботаников и зоологов (например, рудбекия названа в честь Олафа Рудбека), покровителей (лавсония, из которой получают хну, — в честь Исаака Лоусона, финансировавшего публикацию главного труда Линнея «Systema Naturae») и даже самого себя

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru